ВОСТОК РОССИИ

DOI: 10.31857/S086919080002871-5

КАДИМИТСКАЯ И ДЖАДИДСКАЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
В ДАГЕСТАНЕ: ВЗГЛЯД НА ПРЕПОДАВАНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА
И ИСЛАМА В XX В.

© 2018

М. КЕМПЕР^{а)}, Ш. ШИХАЛИЕВ^{б)}

^{а)} Амстердамский университет, Амстердам, Нидерланды
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6676-9563>,
SCOPUS AUTHOR ID: 35979149700; m.Kemper@uva.nl

^{б)} Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3322-0256>, SCOPUS AUTHOR ID: 56409821600;
shihaliiev74@mail.ru

Резюме: В статье дан анализ взаимодействия джадидизма и «кадимизма» в Дагестане, методике обучения в джадидских медресе, которые появились в Дагестане в начале XX в. Если в Волго-Уральском регионе идеи джадидизма касались реформы исламского образования в контексте преподавания на родном татарском языке, то в многонациональном Дагестане больше ориентировались на обучение на местных языках. Другим важным фактором являлось то, что арабский язык сохранял свое важное значение для дагестанской интеллектуальной элиты за весь советский период. На протяжении советской эпохи в Дагестане продолжал существовать «кадимизм» как традиционная система обучения наряду с новометодной системой. Это сосуществование двух систем привело к смешанному методу преподавания арабского языка и исламских дисциплин в новых исламских учебных заведениях, открывшихся в постсоветский период. Данная статья рассматривает несколько взаимосвязанных новых аспектов: 1) в ней рассматривается сравнительный подход в изучении джадидизма, особенности дагестанского варианта новометодной системы образования, который несколько отличается от движения джадидизма в Волго-Уральском регионе; 2) в статье рассматривается джадидская система образования в Дагестане, которая развивалась в тесном взаимодействии с традиционной образовательной системой, а не являлась его антиподом; 3) в статье рассматривается последовательное развитие системы исламского образования за весь XX в. Наконец, в данной статье дается новый материал, основанный на опыте изучения арабского языка и исламских наук одного из соавторов статьи, который обучался по смешанной джадидско-кадимитской системе в поздний советский и постсоветский период. Исследование опровергает широко распространенное в научной литературе мнение о том, что джадидская система обучения была более успешной, чем старометодная и что «кадимизм» как метод исламского образования должен был исчезнуть после установления советской власти и тем более после распада СССР.

Ключевые слова: джадидизм, кадимизм, исламское образование, Дагестан, арабский язык.

Для цитирования: Кемпер М., Шихалиев Ш. Кадимидская и джадидская система образования в Дагестане: взгляд на преподавание арабского языка и ислама в XX в. *Восток (Oriens)*. 2018. № 6. С. 105–123. DOI: 10.31857/S086919080002871-5

THE INTERPLAY OF QADIMISM AND JADIDISM IN TWENTIETH-CENTURY DAGESTAN: A LONGITUDINAL VIEW ON THE TEACHING OF ARABIC LANGUAGE AND ISLAM

Michael KEMPER^{a)}, Shamil SHIKHALIEV^{b)}

^{a)} University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6676-9563>,
SCOPUS AUTHOR ID: 35979149700; m.kemper@uva.nl

^{b)} Institute of History, Archaeology and Ethnography
Dagestan Scientific Center of the RAS, Makhachkala, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3322-0256>, SCOPUS ID: 56409821600;
shihaliev74@mail.ru

Abstract: *The paper analyzes the interplay of Jadidism and “Qadimism” in the North Caucasus region of Dagestan, focusing on the question of educational methods – the usul-i jadid (“new method”) – since the early 20th century. While in the Tatar lands of Russia, Jadidism began as a new way in the teaching of one’s native Tatar language, in the multi-ethnic context of Dagestan the issue of pedagogy was important also for the transmission of Arabic. The authors argue that all through the Soviet era, “Qadimism” (as the traditional teaching system) continued to exist in Dagestan alongside jadidi approaches; and this coexistence led to a mixed method of teaching of Arabic and Islamic disciplines in the new Islamic schools that mushroomed in the early 1990s. This paper thus has several innovative aspects: 1) it provides a comparative approach to the study of Jadidism, emphasizing the particularities that set Dagestani Jadidism apart from the well-studied Tatar Jadid movement in the Volga-Urals; 2) it studies Jadidism in constant interaction with its competitor “Qadimism”, not as its antipode; and 3) it uses a longitudinal approach that covers the whole of the 20th century. Finally, this paper explores new ways by analyzing the personal educational experience of one of its co-authors, who went through the mixed “Qadim”/Jadid/Soviet system in the 1980s and early 1990s. These case studies challenge the widespread assumption that Jadidism was overall an undoubted success story, and that “Qadimism” was bound to disappear after the establishment of Soviet power and even more so after its dissolution.*

Keywords: Jadidism, Qadimism, Islamic education, Dagestan, Arabic.

For citation: Kemper M., Shikhaliev S. The interplay of Qadimism and Jadidism in twentieth-century Dagestan: a longitudinal view on the teaching of Arabic language and Islam. *Vostok (Oriens)*. 2018. No. 5. Pp. 105–123. DOI: 10.31857/S086919080002871-5

Полемика между реформаторами, известными как «джадиды» (от арабск. новый), и представителями традиционного исламского метода обучения – «кадимитами» (от арабск. старый), – имевшая место в конце имперского и в ранний советский периоды, давно привлекает к себе внимание ученых. Движение джадидов имело целью модернизацию мусульманских школ (мактабов и медресе); они предлагали новые методы обучения: деление на классы, систематизацию учебных программ, а также четко определенные сроки обучения. Джадидизм также выступал за введение в программу мактабов и медресе предметов, которые, как правило, не преподавали в большинстве мусульманских школ, но изучали в современных им российских и европейских школах, таких как география, история и естественные науки. Джадидские школы начали преподавание на местных языках, которые в большинстве мусульманских регионов России были региональной формой тюркского языка. Это отличало джадидскую от традиционной системы исламского образования, которую джадиды критиковали за слепое повторение традиций, потерявших свою актуальность в стремительно развивающейся России.

Основателем джадидского движения принято считать крымскотатарского интеллектуала и педагога Исмаила Гаспринского (1851–1914), который открыл свою первую но-

вометодную школу в Бахчисарае в 1883 г. [Усманов, 2006]. Вероятно, идеи о новометодной системе возникли у И. Гаспринского под влиянием реформы начальной школы в Османской империи, в частности, благодаря деятельности Сабита-эфенди, который открыл подобную школу в 1872 г. [Somel, с. 124; Bahri, с. 377–392]. Идея И. Гаспринского о модернизации мусульманской школьной программы была с энтузиазмом воспринята татарами Волго-Уральского региона, где начиная с 1880-х и 1890-х гг. было создано несколько крупных новометодных медресе [Мухаметшин, с. 59–80].

В Центральной Азии джадидизм также нашел последователей [Бабаджанов, 2007; Baldauf, 2001, р. 72–88; Khalid, 1999]. В конце концов, джадидские интеллектуалы обратились к политике, участвуя в строительстве и распространении светского национализма, особенно после революции 1905 г., когда они могли бы создать мусульманские газеты и журналы [Usmanova, 1996, р. 239–278]. Некоторые видные джадиды также были депутатами в государственной Думе нескольких созывов, где часто объединялись с либералами [Усманов, 2013 с. 113–124]. Находясь в Османской империи в изгнании, некоторые джадиды выдвигали «пантюркистскую» идею джадидизма и оказали значительное влияние на развитие турецкого национализма [Meuer, 2007, р. 15–32]. Многие джадиды, которые после 1917 г. остались в России, впервые были интегрированы большевиками в советские институты, в том числе школы. После того как советская власть подготовила собственные научные и учительские кадры, многие джадиды были расстреляны или сосланы в лагеря [Kemper, Motika, Reichmuth, 2009]. После смерти Сталина в 1953 г. многие джадиды были (часто посмертно) реабилитированы; а начиная с 1960-х гг. официальная историография в Татарской АССР, а также в советском Узбекистане и на Кавказе начала последовательно изучать деятельность нескольких хорошо известных джадидов, которых они высоко ценили как «прогрессивную интеллигенцию», распространявшую «просвещение» и которые критиковали «религиозное мракобесие кадимитов» [Бустанов, Кемпер, 2016, с. 30–49; ср.: Кемпер, 2018, с. 127–143].

Несмотря на то что политическая значимость джадидов была освещена во многих научных и популярных исследованиях, остается ряд вопросов, которые все еще недостаточно раскрыты. Во-первых, что характеризовало ученых «традиционного» направления, или «кадимитов», как их называли джадиды [Бустанов, Кемпер, 2017, с. 123–139]? Во-вторых, что можно сказать о распространении идей джадидизма за пределами тюркско-татарских земель и районов Центральной Азии. И наконец, какова была связь между модернизацией системы исламского образования и реформой ислама в целом в различных областях?

В этой статье мы рассматриваем взаимодействие кадимитской и джадидской систем образования в Дагестане, где проживает несколько десятков разных национальностей, прежде всего кавказской и тюркской языковых групп. В отличие от регионов Поволжья ситуация в Дагестане была более сложной, поскольку большая часть мусульманской литературы Дагестана была арабоязычная, и местные джадиды использовали классический арабский литературный язык гораздо чаще, чем где-либо еще в Российской империи [Ад-Дургили, 2012].

Поскольку мусульманское реформаторство в Дагестане, называемое в ряде источников и исследований «джадидизмом», явление многогранное, мы решили ограничиться вопросом об образовательных методах и языке обучения джадидской системы, его взаимоотношении со старометодной системой и его последовательном развитии в Дагестане. Сравнивая новометодную с «традиционной» системой образования, которая была широко распространена в Дагестане до джадидизма, мы утверждаем, что она не вытеснила эту «традиционную систему» и на протяжении всего советского периода наряду с новометодной продолжала существовать. Подобное сосуществование привело к смешанному методу системы исламского образования в новых учебных заведениях, которые распространились в начале 1990-х гг. Сегодня исламское образование в Дагестане включает в

себя как элементы новометодной системы, так и «традиционной», что явилось результатом смешения этих двух систем в советское время.

«СТАРЫЙ» МЕТОД ОБУЧЕНИЯ: «КАДИМИЗМ»

В 1909 г. мусульманский интеллектуал, ученый и учитель Абусуфьян Акаев (1872–1931) дал следующую характеристику «старого» метода. В отличие от новометодной системы обучения ученики в школах старого типа изучали арабский алфавит по арабскому названию своих графем (алиф-ба-та-са-джим и т. д.), а не по их фонетическим звучаниям (а-б-т-с-дж). Причем написание букв изучалось только в их обособленной форме, без учета их изменяющихся лигатур в словах, где у большинства букв есть еще три варианта написания, в зависимости от их положения в начале, середине или конце слова. Только в дальнейшем ученики обучались связывать буквы внутри слов. Кроме того, в старометодных школах не было деления на классы разного уровня; учитель обучал каждого ученика индивидуально, в зависимости от уровня последнего. В старометодных школах также не было четко фиксированной программы, продолжительности обучения в той или иной группе [Акаев, 1992 (2), с. 64–65]. Таким образом, каждый класс был очень гетерогенным, а более продвинутые в учебном плане студенты помогали младшим. Во время сбора урожая или посевных студенты возвращались домой, что затрудняло регулярное обучение. В целом учителя жили на пожертвования, которые варьировались в зависимости от их статуса и материальных возможностей местной общины [Meуer, 2012, p. 252–270].

При обучении в старометодных школах ученики и учителя пользовались рукописными, а не печатными учебниками; в медресе даже в XX в. продолжали копировать рукописи. Старометодная система образования, несмотря на ее критику со стороны джадидов, тем не менее продолжалась на протяжении столетий, прошла многовековую апробацию, причем продолжалась довольно успешно, о чем свидетельствует, в частности, воспроизводство мусульманской духовной элиты довольно высокого уровня.

Хотя, по мнению джадидов, старометодная школа была менее систематизирована, в действительности ее структура обучения подразумевала строгую последовательность изучения тех или иных текстов и дисциплин. В Дагестане обучение по старометодной системе начиналось с чтения Корана, с акцентом на фонетические особенности правил его чтения. На начальном этапе такое обучение проходило без понимания самого текста Корана; ученики должны были не столько понимать текст Корана, сколько четко и правильно его читать, строго следуя правилам артикуляции звуков. Кроме того, систематическое чтение Корана способствовало развитию зрительной памяти учеников; путем регулярного повторения определенных фраз с огласовками ученик запоминал, как нужно читать эти слова без огласовок – как, собственно, и была написана вся остальная мусульманская литература. Этот метод способствовал тому, что на более поздних этапах ученик уже пусть не осознанно, но четко и относительно легко читал неогласованные тексты в других мусульманских науках. Дагестанский суфийский шейх и ученый Шу‘айб ал-Багини (1856–1912) в одном из своих сочинений в автобиографической его части перечислял последовательное изучение тех или иных книг согласно старометодной системе обучения; за редким исключением, практически все перечисляемые им книги были составлены мусульманскими учеными Ближнего Востока (в основном в Египте, Сирии, Ираке) в XI–XVI вв. [Ал-Багини, 1999, с. 434–435].

Важной особенностью старометодной системы обучения являлось полное отсутствие дисциплины «арабский язык» и, как следствие, учебников по этой дисциплине. Ученики медресе осваивали новую арабскую лексику не целенаправленно, а в контексте изучения Корана, грамматики, тафсиров, мусульманского права и пр. Учитывая полисемичность арабских слов, ученики в процессе обучения изучали несколько значений одного и того

же слова в зависимости от его употребления в той или иной дисциплине – в праве, в грамматике арабского языка, логике и т.д. Таким образом, этот метод позволял ученикам существенно обогащать свой словарный запас; лексикон ученика расширялся с каждой новой дисциплиной, и в последующем они употребляли те или иные слова в речи в зависимости от контекста.

Учитывая также, что ученики в медресе XVIII–XX вв. обучались по средневековым учебникам, в том числе изучали классические труды средневековых авторов по риторике, стилистике, метрике и теории диспута, результатом такого подхода был высокий уровень знания не современного им арабского, с неологизмами и заимствованиями, часто используемыми в арабском мире в устной речи, а классического, средневекового книжного арабского языка, вместе с его синонимами, омонимами и многозначностью слов, которые ученики осваивали в процессе изучения разных дисциплин. Новые термины и слова, которые нашли применение в регионах с коренным арабским языком, в основном игнорировались ввиду того, что, во-первых, не все ученые могли себе позволить путешествовать по Ближнему Востоку; во-вторых, неологизмы практически не встречались в той литературе XI–XVI вв., которые изучались в дагестанских медресе. Именно классический книжный арабский язык имел широкое хождение в Дагестане в среде местной богословской элиты. Безусловно, дагестанские паломники и те, кто совершенствовал свои знания в мусульманских странах Востока, привозили домой новые книги, включая печатную литературу конца XIX–XX вв. Однако эта новая литература не входила в учебную программу.

Завершив обучение в том или ином медресе, многие ученики переезжали в другие села с целью совершенствования своих знаний по тем или иным дисциплинам. Это было связано с тем, что в Дагестане имела широкое распространение некая «специализация» богословов по тем или иным дисциплинам – фикху, грамматике арабского языка, логике и т.д. И после окончания обучения в медресе ученики углубляли свои знания по тем или иным наукам у ученых, обладавших определенной известностью в данной области. Состав и характеристика коллекций дагестанских рукописей показывает, что более широкое распространение в Дагестане получили грамматика арабского языка, мусульманское право, логика, риторика. Именно этими дисциплинами представлена большая часть рукописных коллекций. И именно по этим дисциплинам дагестанские ученые писали наибольшее количество как оригинальных сочинений, так и работ компилятивного характера [Шихсаидов, Тагирова, Гаджиева, 2001 с. 79–131]. В противоположность этому хадисы, тафсир и спекулятивное богословие (‘акида) не вызывали в Дагестане большого интереса [Саидов, 1963, с. 119, 122]. Кроме того, следует добавить также тот факт, что во многих коллекциях рукописей имеются труды по математике, астрономии и медицине, что свидетельствует о том, что эти естественные науки также изучали в Дагестане. Вместе с тем естественные науки в большинстве своем изучались не столько в рамках того или иного медресе, сколько в частном порядке, у того или иного ученого-богослова, который специализировался в этих науках. Обучение в медресе носило межрегиональный и межэтнический характер; многие жители равнин обучались мусульманским наукам в горских медресе, равно как и ряд горских ученых, работая на равнине в качестве кадиев или мударрисов, преподавали на равнине. Многообразие местных языков не играло существенной роли в процессе обучения; те, кто обучался в других этнических зонах, очень быстро осваивали также местные языки.

ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИКЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА ПО СТАРОМЕТОДНОЙ СИСТЕМЕ

Структура обучения по той или иной дисциплине в рамках старометодной системы, равно как и подборка учебников, была построена таким образом, что каждая последую-

шая книга повторяла предыдущий материал, уточняя или дополняя одни и те же вопросы. Эта система отчетливо прослеживается на примере изучения грамматики арабского языка в старометодных школах. Рассмотрим в качестве примера структуру первых нескольких сочинений по грамматике арабского языка.

Первое сочинение, которое традиционно изучали в медресе (вплоть до сегодняшнего дня), – «Тасриф ал-‘Иззи» ‘Абд ал-Ваххаба аз-Занджани (составлено в 1257 г.). Данный труд посвящен морфологии арабского языка. В сочинении рассматриваются вопросы словообразования в арабском языке: производные формы глаголов (прошедшего, настоящего-будущего времен, образование форм повелительного наклонения, а также имен-ные формы, образованные от отглагольного имени (*масдар*) – причастия, имена мест и орудий действия и пр). В тексте даются также все формы спряжений глаголов, в том числе спряжение слабых глаголов, а также единственное и множественное числа имен-ных форм. Сама подача материала предполагает заучивание наизусть всех приведенных в учебнике форм спряжений и образований именных форм.

Вторая книга, «Ми’ат ‘амил» ‘Абд ал-Кахира б. ‘Абд ар-Рахмана ал-Джурджани (ум. 1078), посвящена синтаксису арабского языка, в частности ста «управляющим» частицам, которые изменяют падеж именных форм. Методика обучения по этому учебнику такая же, как и в предыдущей книге. Ученик должен выучить наизусть все сто управляющих частиц, при этом он должен уметь определять изменение падежей именных форм (арабск. – *и’раб*, русск. – *флексия*) под влиянием этих управляющих частиц. То есть в этом случае структура учебника также предусматривает механическое заучивание, которое, как и в первом случае, дает возможность ученикам в речи и в чтении без огласовок точно воспроизводить падежи имен.

Третья книга, сочинение «Ал-Аджрумийа» Мухаммада ал-Синхаджи Ибн Аджуррума (ум. 1323), также посвящена синтаксису арабского языка. В ней рассматриваются члены предложения в арабском языке с соответствующими каждому из них падежами, причем структура этого учебника тесно связана с предыдущим учебником. В этом случае ученик должен выучить наизусть все существующие в арабском языке члены предложения.

Далее следует сочинение «Шарх ал-Унмузадж» Мухаммада ал-Ардабили (ум. 1626). В этом учебнике изложены все основные понятия синтаксиса арабского языка, изложенные в предыдущих двух книгах, а также небольшой раздел, посвященный морфологии, который ученик уже выучил в первом учебнике «Тасриф ал-‘Иззи». Этот учебник уже предполагает понимание читаемого текста. В данном случае от учеников требуется не механическое заучивание текста, а понимание сути прочитанных правил. Однако, учитывая, что ученик уже освоил определенную грамматическую лексику в предыдущих книгах, понимание приведенных здесь правил и объяснений не составляет для него труда.

Дальнейшие учебники по грамматике арабского языка, в том числе «Изхар ал-асрар» Мухаммада ал-Биркави (ум. 1573), всего лишь более расширяют и дополняют категории и понятия, изложенные в вышеперечисленных книгах. В частности, в них даются правила и объяснения некоторых морфологических форм или синтаксических конструкций, практически не использующихся в живой речи, а встречающихся преимущественно в Коране или в поэзии. Кроме того, в этих книгах изложены взгляды разных языковедческих школ на те или иные структурные изменения в морфологии или синтаксисе, например взгляды куфийской и басрийской школ языкознания. Главное требование при этой системе обучения – это пополнение терминологической лексики и одновременно умение читать текст без огласовок с подробным синтаксическим разбором текстов (*тап-киб*) или морфологическим разбором слов (*масриф*). Таким образом, ученик, как правило, осваивает все основные грамматические понятия, причем воспринимает их с точки

зрения грамматики арабского языка, а не посредством грамматики родных (аварского, кумыкского, даргинского и т.д.) языков.

Подобная система характерна и в отношении изучения других дисциплин (логики, риторики, и т.д.). Очень часто последовательная структура изучения этих дисциплин предполагала изучение вначале основного текста учебника (*матн*), затем его комментария (*шарх*) и далее – субкомментария (*хашиийа*). Такая система была также характерна и для центральноазиатских и волго-уральских медресе [Kemper, 1998, p. 243–307].

Основная цель всей этой учебной программы – постепенное пополнение арабской лексики ученика, при этом подобная методика позволяет ему читать тексты без огласовок, понимать, как строятся предложения (*таркиб*) и как формируются лексемы и морфемы (*масриф*).

Отличительной особенностью этой системы обучения в Дагестане являлось то, что грамматика арабского языка не только служила средством для изучения последующих дисциплин (мусульманского права, тафсиров, догматики, хадисов и т.д.), но и сама была своего рода объектом глубокого изучения. Естественно, что при таком подходе изучение только грамматики арабского языка порой занимало несколько лет, что в последующем критиковалось джадидами.

Еще одной особенностью системы образования в дагестанских старометодных медресе было полное доминирование литературы на арабском языке и почти полное отсутствие учебников на местных дагестанских языках, на тюркском или персидском, в отличие от аналогичных мусульманских школ Поволжья, Урала и Центральной Азии. Арабский язык в Дагестане продолжал занимать исключительное положение вплоть до раннего советского периода. Более широкое распространение мусульманской литературы, в том числе учебников на национальных или тюркских языках, было связано с деятельностью мусульманских реформаторов-джадидов начала XX в.

ОСОБЕННОСТИ НОВОМЕТОДНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ДАГЕСТАНЕ

В Дагестане идеи реформы системы мусульманского образования стали популярными несколько позже, чем в Волго-Уральском регионе, Центральной Азии и Закавказье.

Некоторые дагестанские ученые ездили обучаться методике преподавания по новометодной системе в Крым и в Волго-Уральский регион, после чего в 1902 г. дагестанский ученый Абусуфьян Акаев (1872–1931) открыл первую новометодную школу в своем родном селении Нижнее Казанище [Оразаев, 2012, с. 248]. Джадидские школы в Дагестане отличались от «старометодных» системой, структурой, методикой образования и почти полным изменением учебной литературы. В программу новометодных школ были включены также естественные науки, такие как математика, география и естествознание, которые изучались в обязательном порядке.

Несмотря на общие принципы вопросов реформы образования, все же в Дагестане идеи реформы системы образования имели свою специфику, отличающую ее от других мусульманских регионов Российской империи. Связанно это было с многонациональностью Дагестана, а также господством арабоязычной традиции в Дагестане.

В Крыму, Поволжье и Центральной Азии реформаторы выступали за обучение на тюркском языке, широкое внедрение в учебные дисциплины литературы на тюркских языках, в том числе внедрение в программу медресе естественных дисциплин (математики, астрономии, географии и т.д.). В Дагестане, как уже было отмечено выше, естественные науки широко изучались, если не в медресе, то в индивидуальном порядке у местных богословов начиная с XVIII в.

Особо бурную дискуссию в Дагестане в начале XX в. вызвал вопрос языка преподавания. Характеризуя эту полемику, дагестанский ученый-богослов ‘Али Каяев (1878–1943) выделял три разных взгляда на вопрос языка обучения. Первая группа выступала за внедрение тюркского языка в качестве языка обучения в мусульманских школах. Вторая группа выступала за обучение на арабском языке, третья – на русском, причем каждая группа по-своему обосновывала свои взгляды. Критикуя все эти три взгляда, ‘Али Каяев призывал обучать детей на родных (аварском, кумыкском, даргинском, лакском и пр.) языках [Наврузов, 2012, с. 57–67].

Таких же взглядов придерживался и другой ученый – Абусуфьян Акаев. Он критиковал политику царского правительства, которое разрешало изучение естественных наук только на русском языке, пытаясь тем самым провести русификацию дагестанцев. Однако, пишет он, очевидно, что русский язык в качестве языка образования в Дагестане не выберут. Оппонируя сторонникам тюркского языка, Абусуфьян Акаев отмечает, что, несмотря на их сходства, татарский, кумыкский, турецкий и азербайджанский являются разными самостоятельными языками. И, по его мнению, в мусульманских школах ученикам легче всего будет осваивать науки именно на своем родном языке. [Акаев, 1992 (1), с. 75–82].

В дагестанских новометодных учебных заведениях преподавание велось на родных языках. Идеи крымских и поволжских джадидов о господстве тюркского языка в процессе обучения в силу многоязычия населения были непопулярны. Тюркский язык (на севере и в предгорьях – кумыкский, в южном Дагестане – азербайджанский) служил языком межнационального общения в ходе экономических и культурных контактов между горами и равниной. В то же самое время в нагорном Северо-Западном Дагестане языком межнационального общения внутри разных горских этнических групп служил один из местных языков. Противники внедрения повсеместно в учебный процесс тюркского языка объясняли это тем, что народам Дагестана необходимо сохранять свой язык, свою самобытную культуру. Иначе есть вероятность «отуречивания» дагестанцев, которые, забыв свой родной язык, воспримут турецкую культуру. По этой же причине негативное отношение дагестанских джадидов было и к русскому языку [Наврузов, 2012, с. 65–66].

Еще одной отличительной особенностью новой системы обучения являлось то, что джадиды ввели в образовательный процесс отдельную дисциплину «арабский язык», чего не было в кадимитской системе образования.

Как уже было отмечено выше, в старометодных школах грамматика являлась объектом и целью изучения, что условно можно сравнить с подготовкой специалиста-языковеда. В новометодных же школах грамматика являлась всего лишь средством для дальнейшего освоения других наук и изучалась всего лишь в том минимуме, который был необходим для общения или чтения повседневной, в том числе художественной, литературы.

Особо бурно вопрос необходимости реформ обсуждался в издаваемой в досоветский период арабоязычной газете «Джаридат Дагистан» (1913–1917), редактором которой был джадид ‘Али Каяев [Наврузов, 2012, с. 44–57].

В то же время до сих пор не обнаружены источники, в которых была бы критика нового метода преподавания со стороны «кадимитов». Вся их критика была направлена не на новометодные, а на русские школы, которые были открыты в Дагестане после окончания Кавказской войны в 1859 г. [Ал-Багини, с. 374]. Примечательно, что и наиболее активные джадиды уже начиная с 1917 г. сами критиковали русские школы.

Критикуя традиционную литературу, изучаемую в старых школах, за сложность, дагестанские джадиды в то же время вначале не имели собственных учебников. Поэтому они начали широко использовать те учебники, которые уже использовались в джадид-

ских школах Волго-Уральского региона. Это касается, прежде всего, учебников по арабскому языку, разработанных татарским ученым Ахмедом Хади Максуди (1868–1941), таких как «Му‘аллим ас-сани», «Дурус аш-шифахийа», «Дурус ан-нахвийа», а также учебник арабского языка «Мабда’ ал-Кира’а» татарского ученого Сангатуллы Бекбулата [Lazzzerini, 1975, p. 245–277].

В дальнейшем дагестанские джаиды начали издавать учебники для новометодных школ на местных дагестанских языках. Так, за период с 1902 по 1917 г. в типографиях Бахчисарая и Темир-хан Шуры были изданы десятки книг на дагестанских языках, в числе которых учебники по основам ислама, мусульманскому праву, математики, географии, естествознанию, этике и т.д., а также словари и переводы на местные языки образцов арабской художественной литературы, равно как и многоязычные словари дагестанских языков [Оразаев, 1992, с. 131–133; 18].

Изменения в новометодных школах коснулись и самого процесса обучения. В частности, был установлен учебный год, занятия проводились с перерывами между уроками, одновременно изучалось несколько дисциплин, а также проводились проверочные экзамены.

Свой взгляд на реформу системы мусульманского образования подробно развил Абусуфьян Акаев. По его мнению, система образования в Дагестане должна строиться на двухступенчатой системе – общее образование (мактаб) и специальное (дар ал-фунун, медресе). При первой системе учеба должна длиться 8 лет, первые три года из которых все предметы должны изучаться только на родном языке обучающихся. В следующие пять лет ученики должны освоить религиозные и светские науки. Такая система, предлагаемая А. Акаевым, предусматривает всеобщее обучение. В качестве подтверждения необходимости этого он приводит пример Германии, где «тех, кто не умеет читать и писать насильно этому обучают» [Акаев, 1992 (1), с. 79–80]. Следующий этап обучения А. Акаев предлагает разделить на светский и религиозный. В частности, после окончания восьмилетней школы ученики, которые хотят освоить светские специальности (например, стать инженером), могут поступить в прототип университета (дар ал-фунун), а тот, кто решил стать кадием или муфтием, может продолжить обучение в медресе.

Любопытно, что идеи Абусуфьяна Акаева о структуре образования во многом совпали с политикой советского правительства по всеобщему образованию, а также с функционированием двухступенчатой, а затем и трехступенчатой системы образования: общеобразовательная школа – средние специальные учебные заведения – институты и университеты.

Вполне естественно, что при таком подходе к реформе системы образования джаиды в дальнейшем стали активными сторонниками и партнерами большевиков. В то же время кадимитская система образования сохранилась как противовес советскому образованию и нелегально продолжала существовать весь советский период.

СИСТЕМА ИСЛАМСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

После установления советской власти в Дагестане вплоть до конца 1920-х гг. здесь сохранилось легальное исламское образование в рамках мусульманских учебных заведений [Bobrovnikov, Navruzov, Shikhaliev, 2010, p. 107–167]. Однако ситуация изменилась уже к концу 1920-х гг., когда началась более жесткая антирелигиозная политика советского государства; легально действующие шариатские суды были ликвидированы, мечети и медресе стали закрываться, а их вакфное имущество передавалось крестьянским комитетам. В этих условиях бывшие новометодные школы часто сливались с советскими школами, организованными государством.

Джадиды, которые до ужесточения политики преподавали в новометодных школах, после их закрытия советским государством были в значительной степени интегрированы в новую советскую образовательную систему.

Учителя ранних советских школ Дагестана, как правило, в большинстве своем были джадидами и имели только местное мусульманское образование. При этом многие из них проходили переподготовку в педагогическом техникуме, куда их направляли советские чиновники. К примеру, Мухаммад 'Умари из с. Охли (ум. 1940-х гг.) и Мас'уд из с. Могох (1893–1941) после завершения курсов в педагогическом училище в г. Буйнакске стали преподавать математику, родной язык, геометрию и другие дисциплины в советских школах [ПМА].

Другие джадиды стали сотрудниками научных учреждений. Так, один из первых дагестанских реформаторов, 'Али Каяев, после закрытия мусульманских школ начал работать в открывшемся в 1924 г. Институте национальной культуры (предшественнике ИИАЭ ДНЦ РАН). Интересна история и другого дагестанского реформатора, ученика 'Али Каяева – М.-С. Саидова (1902–1985). Получив великолепное мусульманское образование, М.-С. Саидов начал активно работать в области просвещения и журналистики. В 1920–1930-е гг. он последовательно работал учителем в советской школе, корректором в типографии, затем редактором аварской газеты. По заданию советского правительства им были разработаны учебники для национальных школ. Чудом избежав репрессий 1930-х гг., Саидов получил светское высшее образование, затем окончил аспирантуру в Институте языка и письменности народов СССР в Москве (ныне – Институт языкознания РАН) и защитил кандидатскую диссертацию по филологии. Вплоть до своей смерти в 1985 г. М.-С. Саидов работал в ИЯЛИ ДФ АН СССР [Омаров, Шихсаидов, 2005, с. 11–22; Кемпер, 2018, с. 127–143].

ИЗУЧЕНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В 1980-х и 1990-х гг.: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ ОДНОГО ИЗ АВТОРОВ СТАТЬИ

В послевоенный период вплоть до распада СССР мы наблюдаем не только параллельное продолжение обеих систем преподавания (кадимитской и джадидской), но и их смешение. Как функционировала эта «смешанная» система обучения, можно судить по личному опыту одного из соавторов этой статьи – Шамиля Шихалиева (1974 г.р.).

Он начал обучаться в 1983 г. у своего деда Зайналбека Шихалиева (1911–1993), который, в свою очередь, обучался вначале в примечетской школе в досоветский период в своем родном селении Нижний Дженгутай, а затем, до 1927 г., в местном медресе. В 1941 г. Зайналбек был призван на фронт и в 1942 г. попал в плен, где был вынужден работать в сельском хозяйстве в Германии, а затем в Бельгии. После окончания войны и освобождения из плена он, как и многие советские солдаты – бывшие военнопленные, был сослан в лагерь. После смерти И.В. Сталина он был освобожден и вернулся в родное село, где работал в местном колхозе. В середине 1960-х гг. после многолетнего перерыва Зайналбек продолжил изучение ислама у местного ученого Магомеда-Запира Магомедова (1906–1982), которого дважды ссылали в советские лагеря.

Магомед-Запир Магомедов был учеником бывшего местного кади Юсуфа Гасанаева, одного из редакторов арабоязычного журнала «Байан ал-хака'ик» (1925–1928 гг.); Гасанаев был членом «Дини-комитета» и выступал против мероприятий советской власти, за что был расстрелян большевиками в 1929 г. [Бобровников, Шехмагомедов, Шихалиев, 2017, с. 205]. Кроме того, Зайналбек Шихалиев также нелегально совершенствовал свое образование у кумыкских, даргинских и аварских ученых в окрестных селах (Доргели, Кадар, Верхний Дженгутай).

Зайналбек обучал своего внука вначале отдельным буквам, обращая внимание на звуковой метод, а также на четыре варианта написания арабских букв (в начале слова, в середине, в конце и обособленная форма). Затем соединял между собой буквы в разных вариантах, добавляя огласовки и обращая внимание на осознанное чтение текста. После завершения алфавита, когда ученик научился довольно сносно читать, Зайналбек перешел сразу к обучению чтению Корана, обращая внимание на правила его чтения. Для лучшего закрепления усвоенного материала Зайналбек переводил с турецкого (османского) на кумыкский язык рассказ о пророке Данияле, записывал его в тетради арабским шрифтом на кумыкском языке, читал несколько раз, обращая внимание на написание той или иной буквы в слове, и задавал домашнее задание. Суть домашнего задания была в том, что ученик должен был переписать кумыкский арабографический текст, бегло его прочитать и пересказать содержание прочитанного. Тут видно несомненное влияние джадидской (звуковой метод, четыре варианта написания букв, текст на родном, а не на арабском языке) и советской (пересказ сути прочитанного текста) систем обучения.

После долгого перерыва Ш. Шихалиев в 1990 г. продолжил обучение у З. Шихалиева, фактически начав его заново. На этот раз обучение арабскому алфавиту началось с уже упомянутого учебника татарского джадида Ахмед Хади Максуди «Му‘аллим ас-сани». Следует отметить, что Зайналбек Шихалиев имел собственную арабоязычную библиотеку, которую он собрал в советский период во время обучения у разных алимов. В состав библиотеки входит большое количество литературы на тюркских (османском и татарском) языках, равно как и «традиционные» кадимитские книги.

После завершения книги «Му‘аллим ас-сани» началось изучение Корана. Параллельно З. Шихалиев начал обучать ученика по упомянутой выше книге татарского джадида Ахмед Хади Максуди «Дурус аш-шифахийя». То есть фактически занятия проходили из двух уроков – Корана и арабского языка. После завершения чтения «Дурус аш-шифахийя» началось обучение основам ислама по книге ученого ‘Али ал-Гумуки (ум. 1528) «Мухтасар» («Компендиум»). При этом занятия по чтению Корана продолжались параллельно. Обучение по книге «Мухтасар» было ориентировано на понимание текста прочитанного и заучивание его наизусть. Понимать суть читаемой новой книги было несложно, поскольку Ш. Шихалиев уже имел запас арабской лексики, полученный в процессе изучения книги «Дурус аш-шифахийя». После завершения этой книги Зайналбек приступил к обучению грамматики арабского языка. Любопытно, что обучение грамматики он начал не с джадидского учебника упомянутого выше Ахмед Хади Максуди «Дурус ан-нахвийя», который имелся в его личной библиотеке, а с сочинения «Тасриф ал-‘Иzzi», которое входило в курс обучения в «старометодных» медресе, о чем упоминалось выше.

На этом этапе четко прослеживается слияние двух систем обучения: джадидской (звуковой метод обучения; учебники Ахмеда Хади Максуди; выделение арабского языка в качестве отдельной дисциплины как средства для понимания последующих учебников; акцентирование внимания ученика на понимании прочитанного, параллельное обучение нескольким дисциплинам и книгам, проведение некоего итогового «экзамена») и кадимитской (заучивание наизусть сур Корана, учебники «Мухтасар» и «Тасриф ал-‘Иzzi», входившие в обязательную программу старометодных школ, а также заучивание наизусть текста сочинения «Мухтасар»). Такая же методика была характерна для многих сел Дагестана.

С 1991 по 1994 г. Шамиль Шихалиев обучался в Исламском институте им. Имама Шафии в Махачкале, где «арабский язык» по учебным планам шел как отдельная дисциплина. Единственными доступными учебными материалами для обучения дисциплине «арабский язык» в первых постсоветских исламских институтах были работы татарских джадидов Ахмада Хади Максуди «Дурус аш-шифахийя» и Сангатуллы Бекбулата «Маб-

да' ал-кира'а»; ученики пользовались либо дореволюционными изданиями этих книг, которые имелись во многих частных коллекциях Дагестана, либо их ксерокопиями.

В 1992 г. институт им. Имама Шафии, который к этому времени уже получил статус университета, начал налаживать контакты с ближневосточными благотворительными фондами, которые оказывали университету финансовую поддержку, в том числе пополняли его библиотеку учебными материалами. Наиболее тесное сотрудничество Института было с кувейтским фондом «Организация возрождения исламского наследия» («Джам'ийа ихйа' ат-турас ал-исламий»). В этот год учебники татарских джадидов были заменены шеститомными учебниками «Та'лим ал-'арабийа ли-гайр ан-натикин биха», которые были изданы саудовским университетом «Умм ал-Кура». В ряде других дагестанских исламских институтов использовали «Учебник арабского языка» Багауддина Мухаммада, одного из лидеров салафитского движения в Дагестане. По своей структуре этот учебник был очень похож на вышеупомянутые учебники татарских джадидов.

Структура учебного процесса полностью повторяла систему обучения в дореволюционных и раннесоветских джадидских медресе. Вместе с тем, как и в светских университетах, ежедневно проводилось несколько двухчасовых занятий («пары») по нескольким дисциплинам, учебный год делился на два семестра, по окончании которых студенты сдавали зачеты и экзамены. Летние и зимние каникулы совпадали по времени с каникулами в светских университетах; обучение велось на русском языке, который был *lingua franca* в Дагестане начиная с 1930-х гг.

В первый год обучения преподавали одновременно четыре дисциплины (по два аудиторных часа каждая): «Коран», «Основы ислама» («Усул ад-дин»), «Грамматика арабского языка» («Ас-сарф ва-н-нахв») и «Арабский язык» («ал-Луга»). По «Основам ислама» изучалась книга «Мухтасар» дагестанского ученого 'Али ал-Гумуки, затем два произведения неизвестных авторов – «Китаб фи усул ад-дин» и «Хадис ал-кудсий». Грамматика арабского языка преподавалась по упомянутому выше учебнику «Тасриф ал-'Иzzi», а арабский язык – по учебнику Сангатуллы Бекбулата «Мабда' ал-кира'а». В дальнейшем грамматика арабского языка, мусульманское право, тафсиры и хадисы на последующих курсах также изучались по книгам, которые входили в обязательную программу исключительно в старометодных медресе. Если распределить по дисциплинам, то это следующая литература:

1. Грамматика арабского языка: «Ми'ат 'амил» ал-Джурджани, «Ал-Аджрумийа» Ибн Аджуррума, «Шарх ал-Унмузадж» ал-Ардабили, «Изхар ал-асрар» ал-Биркави, «Шарх тасриф ал-'Иzzi» ат-Тафтазани, «Мусил ат-туллаб» ал-Азхари, «Шарх ал-Алфийа» Ибн 'Укайла, «ал-Фава'id ад-Дийа'ийа» ал-Джами.

2. Мусульманское право: «Фатх ал-Мубин» ал-Малйабари, «И'ана ат-талибин» ал-Бакри, «Канз ар-рагибин» ал-Махалли, «Джам' ал-джавами'» ас-Субки.

3. Хадисы: «Арба'ин» ан-Навави, «Фатх ал-мубин» Ибн Хаджара ал-Хайтами.

4. Тафсиры: «Тафсир ал-Джалалайн» ал-Махалли и ас-Суйути.

В процессе обучения по всем этим книгам преподаватели обращали пристальное внимание не только на понимание текста, но и на его правильное чтение студентами вслух, в том числе на флексии.

Практически все вышеназванные книги входили в обязательную программу старометодных медресе. Исключение составляли учебники татарских джадидов, замененные позже саудовскими учебниками, равно как и в целом отдельная дисциплина «арабский язык», которой не было в кадимитской системе образования.

Любопытно, что, обучая грамматике арабского языка, преподаватели отказались включать в программу учебник «Дурус ан-нахвийа», также написанный татарским джадидом Ахмадом Хади Максуди, который в более упрощенной форме пояснял грамматику арабского языка. Преподаватели-дагестанцы, которые получили нелегальное ислам-

ское образование в советский период, нелестно отзывались об этом учебнике, который, по их мнению, дает лишь поверхностные знания грамматики арабского языка. Игнорирование этого учебника они мотивировали тем, что только традиционный цикл изучения упомянутых выше книг по грамматике, предполагающий углубленное изучение этого предмета, дает навыки, необходимые для освоения студентами последующих дисциплин – мусульманского права, хадисов и тафсиров именно по тем учебникам, которые вхожи в программу старометодных медресе.

Вместе с тем при изучении этих книг шло смешение двух систем обучения – кадимитской и джадидской – в тесной связи с советской образовательной системой. В Институте им. Имама Шафии изучаемые тексты переводились преподавателями на русский язык и переход к следующим разделам книг происходил после того, как учителя проверяли степень усвоения студентами предыдущего материала. Кроме того, в конце каждого семестра студенты должны были сдать экзамены по той или иной дисциплине на русском языке (советская образовательная система), причем ряд учебников студенты должны были рассказать наизусть (кадимитская система). В процессе обучения ввиду сложности кадимитской программы на начальной стадии обучения некоторые студенты использовали учебники арабского языка, написанные советскими востоковедами для вузов, в частности «Учебник арабского языка» А.А. Ковалева и Г.Ш. Шарбатова. Более того, для пополнения словарного запаса они даже пользовались советскими переводами на арабский язык произведений В.И. Ленина и К. Маркса (поскольку другой современной арабской литературы в тот период не было), активно используя при этом «Арабско-русский словарь» советского востоковеда Х.К. Баранова. Однако чтение этих светских учебников, тем более классиков марксизма-ленинизма, тщательно скрывалось от преподавателей; эти книги никогда не использовались в аудитории.

В контексте сотрудничества с фондом «Организация возрождения исламского наследия» в институт им. И. Шафии были приглашены в качестве преподавателей арабы из ряда мусульманских стран – Египта, Саудовской Аравии, Судана, Ирака, Алжира. Они вели занятия в своих собственных группах и не преподавали в более старших классах, где обучение проходило по вышеуказанной схеме. Преподаватели-арабы не использовали в учебном процессе традиционные дагестанские и татарские учебники, имели свою собственную программу и учебно-методический комплекс. Соответственно и их студенты ничего не знали о старометодной системе образования и были далеки от изучения и понимания кадимитских учебников. Арабские преподаватели обучали грамматику арабского языка в упрощенной форме, по собственной методике и современным моделям преподавания арабского языка в странах Ближнего Востока. В процессе обучения эти преподаватели обращали более пристальное внимание таким дисциплинам, как арабский язык, хадисы и догматика. Причем их студенты в гораздо большей степени владели устной разговорной речью, современной арабской лексикой по сравнению с теми студентами, кто обучался по старометодным учебникам. Вместе с тем последние значительно превосходили первых по уровню знания грамматики арабского языка и мусульманского права. Этот пример показывает разницу между арабской моделью исламского образования и дагестанской местной арабоязычной традицией, которая более пристальное внимание обращало на изучение таких наук, как грамматика, мусульманское право, логика и риторика.

В то время как преподаватели-арабы предпочитали модернизацию учебной программы и системы обучения по современным ближневосточным стандартам, ряд дагестанских преподавателей Института предлагали полностью отказаться даже от смешанной джадидско-советско-кадимитской системы и вернуться полностью к старометодной системе образования, в том числе отказаться от такой дисциплины, как арабский язык. Как уже отмечалось выше, этими преподавателями были дагестанцы, которые получили не-

легальное исламское образование в Дагестане, и в советский период не имели никаких контактов с образовательными учреждениями Ближнего Востока. Одним из лидеров этой группы преподавателей был даргинский ученый ‘Абдулла-хаджжи Алигаджиев (ум. 2007), внук известного накшбандийского шейха ‘Али-хаджжи Акушинского (ум. 1930). Он получил исламское образование в Киргизии, куда была сослана семья ‘Али-хаджжи Акушинского в 1929 г. Учителями Абдулла-хаджжи Алигаджиева в ссылке были дагестанские ученые – мюриды и родственники его деда, которые в свое время обучались по старометодной системе. Соответственно и сам ‘Абдулла-хаджжи Алигаджиев, получив классическое кадимитское образование, выступал резко против джадидской системы образования и призвал изменить систему учебного процесса в Институте. По его мнению, необходимо было отказаться от советской системы проведения занятий согласно аудиторным часам; студенты должны были обучаться целый день. Кроме того, ‘Абдулла-хаджжи Алигаджиев и его сторонники выступали против преподавания нескольких дисциплин параллельно и предлагали кадимитскую последовательную модель обучения. ‘Абдулла-хаджжи Алигаджиев также резко выступал против введения отдельной дисциплины «арабский язык»; он считал, что необходимо изучать арабский язык исключительно в контексте чтения разножанровой классической исламской литературы – грамматики, мусульманского права, логики, риторики, хадисов и т.д. Именно этим путем, по его мнению, студенты лучше освоят арабский язык, который отличается разнообразием синонимов, употребляемых в разном значении в зависимости от контекста и дисциплины. Однако эта инициатива была отклонена руководством вуза, в том числе проректором ‘Али ад-Дагистани – гражданином Сирии, потомком дагестанских мухаджиров XIX в., а также зарубежными спонсорами Института.

Подобная смешанная кадимитско-джадидско-советская система исламского образования была характерна для подавляющего большинства исламских вузов республики в 1990-х гг. В рамках официальной «борьбы с ваххабизмом» в конце 1990-х и начале 2000-х гг. почти все арабские преподаватели были вынуждены покинуть Россию, а арабские благотворительные организации прекратили свою деятельность в Дагестане. По этой же причине саудовские учебники арабского языка были изъяты из учебной программы, и во всех исламских вузах вернулись к упомянутому выше джадидскому учебнику «Мабада’ ал-кира’а» или создавали свои собственные учебники по образцу советских или арабских учебных пособий. В настоящее время в подавляющем большинстве исламских вузов, несмотря на то что сама структура и система обучения все еще продолжает оставаться джадидской с элементами светской образовательной системы, все же изучаемая в этих вузах литература по грамматике, мусульманскому праву, хадисам, логике, риторике и тафсирам все еще продолжает оставаться полностью кадимитской.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращаясь к вопросам, поднятым в начале этой статьи, можно сделать следующие выводы. Во-первых, джадидизм распространился в Дагестане несколько позже, чем в других тюркоязычных регионах Российской империи; причем в противовес общетюркской идее, распространенной в Крыму и Волго-Уральском регионе, наиболее активные дагестанские джадиды выступали с идеями обучения на местных дагестанских языках. Одновременно с этим как джадиды, так и кадимиты выступали резко против введения обучения на русском языке, который они считали главной угрозой сохранения мусульманской идентичности.

Во-вторых, основные противоречия между дагестанскими джадидами и кадимитами не столько лежали в плоскости методов обучения, сколько касались вопросов теории мусульманского права, в частности границ применения практики иджтихада. Эта дис-

куссия продолжилась весь советский период; ряд «традиционалистов», которые занимали должности в Духовном управлении мусульман Северного Кавказа (ДУМСК), критиковали джадидов не за их идеи о реформе образования, а за призыв к абсолютному иджтихаду [Шихалиев, 2010, с. 324–340].

В советский период, когда мусульманские школы начали закрываться, многие джадиды начали работать учителями в советских школах. Вместе с тем старометодная система образования в качестве противовеса светскому образованию все еще продолжала функционировать нелегально как в Дагестане, так и в дагестанских общинах Киргизии и Казахстана в ссылке. Как показывает наше исследование, эта традиционная система базировалась на строгой последовательности изучения материала: только после завершения изучения одной книги студент переходил к изучению другой, причем параллельное изучение разных дисциплин не допускалось. Кроме того, арабский язык изучался не как отдельный предмет, а в контексте изучения книг по разным дисциплинам: праву, грамматике, логике и т.д.

Однако в условиях развития советской образовательной системы эта система постепенно воспринимала некоторые элементы джадидизма. Этому процессу смещения нескольких образовательных систем способствовала как переселенческая политика советского государства, так и тот факт, что многие дагестанцы, обучавшиеся подпольно, получали светское советское образование.

В начале 1990-х гг., когда открылись первые исламские учебные заведения, такая смешанная джадидско-кадимитско-советская система была внедрена в эти институты, причем структура учебного материала в подавляющем большинстве продолжала оставаться кадимитской. Исключением в этой системе является дисциплина «арабский язык», где использовались или дореволюционные джадидские, или саудовские, или новые учебники. Последние разрабатывались самим коллективом вузов на основе как современной ближневосточной, так и советской востоковедной традиции. Вероятно, это было обусловлено некой попыткой адаптации к растущей потребности предоставить студентам высокий уровень разговорной арабской речи, учитывая, что поездки в арабский мир стали в постсоветский период очень популярными. Такая смешанная система исламского образования продолжает функционировать в современном Дагестане и, как показывают примеры, тесно интегрируется с современными реалиями, она имеет свои преимущества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ад-Дургили, Назир. *Улада умов в биографиях дагестанских ученых: Дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения*. Пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. илл. библиография А.Р. Шихсаидова, М. Кемпера, А.К. Бустанова. М.: Изд. дом Марджани, 2012. 208 с. + 223 с факсимиле.

Акаев, Абусупьян. Тил масъаласы. Оразаев Г.М.-Р. (сост.). *Пайхамарны елу булан*. Махачкала: дагестанское книжное издательство, 1992(1). С. 75–84 (на кумыкск.яз.).

Акаев, Абусупьян. Яшлар охутагъан муаллимлеге бир-эки сез. Оразаев Г.М.-Р. (сост.). *Пайхамарны елу булан*. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1992(2). С. 64–66 (на кумыкск.яз.).

Ал-Багини, Шу'айб б. Идрис. *Табакат ал-хаваджакан ан-Накибандийя ва садат ал-машаих ал-Халидийя ал-Мухаммадийя*. Дамаск: Дар ан-ну'ман ли-л-'улум, 1999. 550 с. (на араб. яз.).

Бабаджанов Б.М. *Журнал «Хакикат» как зеркало религиозного аспекта в идеологии джадидов*. Tokyo: University of Tokyo, Department of Islamic Area Studies, 2007. 110 с.

Бобровников В.О., Шехмагомедов М.Г., Шихалиев Ш.Ш. *Фихх и мусульманский обычай в российской Дагестане: источники и исследования. Хрестоматия*. СПб.: Президентская библиотека, 2017. 319 с.

- Бустанов А., Кемпер М. Мирализм: ислам как культурное наследие. Бустанов А.К., Кемпер М. *Ислам по-русски: анализ современной исламской литературы в России. Учебное пособие*. СПб.: Президентская библиотека, 2016. С. 30–49.
- Бустанов А.К., Кемпер М. Язык «традиционного ислама» в текстах Валиуллы Якупова. *Восток (Oriens)*. 2017. № 3. С. 123–139.
- Гаджиев А.С. Джадидизм в Дагестане. Оразаев Г.М.-Р. (сост.). *Абусуфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность: сборник статей, переводов и материалов*. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2012. С. 64–66.
- Гусейнов М.А. *Национальная литература кумыков 1920–1930-х годов (поэзия, драматургия, критика)*. Махачкала: Институт ЯЛИ, 2009. 318 с.
- Исаев А.А. (сост.). *Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана: (дореволюционный период)*. Махачкала, 1989. 298 с.
- Исаев А.А. *Магомедмирза Мавраев – первопечатник и просветитель Дагестана*. Махачкала: Типография ДНЦ РАН, 2003. 240 с.
- Кемпер М. Ислам как общенациональное культурное наследие в послесталинском Дагестане: от иджтихада к просвещению. *История, археология и этнография Кавказа*. Махачкала: ИИАЭ. Т. 14, № 2, 2018. С. 127–143.
- Кемпер М., Шихалиев Ш.Ш. Дагестанское мусульманское реформаторство первой трети XX века как разновидность джадидизма. Оразаев Г.М.-Р. (сост.). *Абусуфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность: сборник статей, переводов и материалов*. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2012. С. 52–58.
- Мухаметшин Р.М. *Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке*. Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. 246 с.
- Наврузов А.Р. «*Джаридат Дагистан*» – арабоязычная газета кавказских джадидов. М.: Марджани, 2012. 240 с.
- Омаров Х.А., Шихсаидов А.Р. *Каталог арабских рукописей (Коллекция М.-С. Саидова)*. Махачкала, 2005. 330 с.
- Оразаев Г. М.-Р. Хронология жизненного и творческого пути Абусуфьяна Акаева, а также посмертных мероприятий и событий, связанных с его именем. Оразаев Г. М.-Р. (сост.). *Абусуфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность*. Сб. статей, переводов и материалов. Махачкала, 2012. С. 248–275.
- Оразаев Г.М.-Р. (сост.). *Абусуфьян Акаев: Эпоха, жизнь, деятельность*. Сб. статей, переводов и материалов. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2012. 328 с.
- Оразаев Г.М.-Р. (сост.). *Литературное и научное наследие Абусуфьяна Акаева*. Махачкала, 1992. С. 131–133.
- Оразаев Г.М.-Р. (сост.). *Пайхамарны елу булан*. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1992. 376 с. (на кумыкск. яз.)
- ПМА. Полевой материал авторов. *Интервью с Али Омаровым (1956 г.р.), сыном муфтия ДУМСК Хафиза-хаджи Омарова (1975–1978)*. Махачкала, май 2011 г.
- Саидов М.-С. Д. Дагестанская литература XVIII–XIX вв. на арабском языке. *Труды XXV Международного конгресса востоковедов*. Т. II. М: Восточная литература, 1963. С. 118–123.
- Усманов М.А. (ред.). *Исмаил Гаспринский: историко-документальный сборник*. Казань: Жиен нашрияти, 2006. 544 с.
- Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе (1906–1917 гг.): новая политическая элита в Российской империи? *Ученые Записки Казанского университета*. Серия: Гуманитарные науки. Казань: Казанский (Приволжский) Федеральный ун-т, 2013. Т. 155. № 1–3. С. 113–124.
- Шихалиев Ш.Ш. «Ал-Джаваб ас-сахих ли-л-ах ал-мусаллах» ‘Абд ал-Хафиза Охлинского. Аликберов А.К., Бобровников В.О., сост. и отв. редакторы. *Дагестан и мусульманский Восток*. Сб. статей. М.: Марджани, 2010. С. 324–340.
- Шихалиев Ш.Ш. Мусульманское реформаторство в Дагестане (1900–1930). *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. М.: РАНХиГС, 2017. № 3 (35). С. 134–169.
- Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А. Гаджиева Д.Х. *Арабская рукописная книга в Дагестане*. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2001. 256 с.

- Bahri, Ata. Selim Sabit Efendi'nin Okul Tarihi İnşası. *Türk Eğitim Bilimleri Dergisi*. 7:2 (2009). Pp. 377–392 (на турецк. яз.).
- Baldauf, Ingeborg. Jadidism in Central Asia within Reformism and Modernism in the Muslim World. *Die Welt des Islams*. 41:1 (2001). Pp. 72–88.
- Bobrovnikov V.O., Navruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh. Islamic Education in Soviet and Post-Soviet Daghestan. *Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States*. Eds. Michael Kemper, Raoul Motika and Stefan Reichmuth. London and New York: Routledge, 2010. Pp. 107–167.
- Kemper, Michael, Motika, Raoul, Reichmuth, Stefan, (eds). *Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States*. London and New York: Routledge, 2009. 384 p.
- Kemper, Michael. *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin: Klaus Schwarz, 1998, 516 p.
- Khalid Adeb. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley, Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1999. 400 p.
- Lazzerini, Edward J. Jadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 16, No. 2 (April–June, 1975). Pp. 245–277.
- Meyer, James H. Immigration, Return, and the Politics of Citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1860–1914. *International Journal of Middle Eastern Studies*. 39 (2007). Pp. 15–32.
- Meyer, James H. The Economics of Muslim Cultural Reform: Money, Power and Muslim Communities in Late Imperial Russia. *Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts*. Ed. Uyama Tomohiko. London and New York: Routledge, 2012. Pp. 252–270.
- Somel, Selçuk Akşin. *Das Grundschulwesen in den Provinzen des Osmanischen Reichens während der Herrschaftsperiode Abdülhamids II (1876–1908)*, PhD Diss. University of Bamberg, 1992. 124 p.
- Usmanova, Dilyara M. Die tatarische Presse 1905–1918: Quellen, Entwicklungsetappen und quantitative Analyse. *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the 20th Centuries*. Eds. M. Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov. Berlin: Klaus Schwarz, 1996. P. 239–278.

REFERENCES

- Ad-Durgili, Nazir. Uslada umov v biografiakh dagestanskikh uchenykh: Dagestanskie uchenye X–XX vv. i ikh sochineniia. Per. s arab., komment., faks. izd., ukaz. i bibliografiia A.R. Shikhsaidova, M. Kempera, A.K. Bustanova. Moscow: Izd. dom Mardzhani, 2012 (in Russian).
- Akaev, Abusup'ian. Iashlar okhutag' an maullimlege bir-eki sez. Orazhev G.M.-R. (ed.). *Paikhamarny elu bulan*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. Pp. 64–66 (in Kumykian).
- Akaev, Abusup'ian. Til mas'alasy. Orazhev G.M.-R. (ed.). *Paikhamarny elu bulan*. Makhachkala: dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. Pp. 75–84 (in Kumykian).
- Al-Bagini, Shu'aib b. Idris. *Tabakat al-khavadzhakan an-Nakshbandiia va sadat al-mashaikh al-Khalidiia al-Mukhammadiia*. Damask: Dar an-nu'man li-l-'ulum, 1999 (in Arabian).
- Babadzhanov B.M. Zhurnal "Khakikat" kak zerkalo religioznogo aspekta v ideologii dzhadidov. Tokyo: University of Tokyo, Department of Islamic Area Studies, 2007 (in Russian).
- Bahri, Ata. Selim Sabit Efendi'nin Okul Tarihi İnşası. *Türk Eğitim Bilimleri Dergisi*. Bahar, 7:2 (2009). Pp. 377–392 (in Turkish).
- Baldauf, Ingeborg. Jadidism in Central Asia within Reformism and Modernism in the Muslim World. *Die Welt des Islams*. Leiden: Brill, 41:1 (2001). Pp. 72–88.
- Bobrovnikov V.O., Navruzov A.R., Shikhaliev Sh.Sh. Islamic Education in Soviet and post-Soviet Daghestan. *Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States*, eds. Michael Kemper, Raoul Motika and Stefan Reichmuth. London and New York: Routledge, 2010. Pp. 107–167.
- Bobrovnikov V.O., Shekhmagomedov M.G., Shikhaliev Sh.Sh. *Fikkh i musul'manskii obychai v Rossiiskom Dagestane: istochniki i issledovaniia. Khrestomatiia*. Saint Petersburg: Prezidentskaia biblioteka, 2017 (in Russian).
- Bustanov A., Kemper M. Mirasizm: islam kak kul'turnoe nasledie. Bustanov A.K., Kemper M. (eds). *Islam po-russki: analiz sovremennoi islamskoi literatury v Rossii: uchebnoe posobie*. Saint Petersburg: Prezidentskaia biblioteka, 2016. Pp. 30–49 (in Russian).
- Bustanov A.K., Kemper M. Iazyk 'traditsionnogo islama' v tekstakh Valiully Iakupova. *Vostok (Oriens). Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'*. 2017. No. 3. Pp. 123–139 (in Russian).

Gadzhiev A.S. Dzhadidizm v Dagestane. Orzaev G.M.-R. (ed.). *Abusufian Akaev: Epokha, zhizn', deiatel'nost': sbornik statei, perevodov i materialov*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012. Pp. 64–66 (in Russian).

Guseinov M.A. *Natsional'naia literatura kumykov 1920–1930-kh godov (poeziia, dramaturgiia, kritika)*. Makhachkala: Institut IaLI, 2009 (in Russian).

Isaev A.A. (ed.). *Katalog pechatnykh knig i publikatsii na iazykakh narodov Dagestana: (dorevoliutsionnyi period)*. Makhachkala, 1989 (in Russian).

Isaev A.A. Magomedmirza Mavraev – pervopechatnik i prosvetitel' Dagestana. Makhachkala: Tipografiia DNTs RAN, 2003 (in Russian).

Kemper M. Islam kak obshchenatsional'noe kul'turnoe nasledie v poslestatinskom Dagestane: ot idzhtikhada k prosveshcheniiu. *Istoriia, arkhologiiia i etnografiia Kavkaza*. Makhachkala: IIAE. Vol. 14. No. 2, 2018. Pp. 127–143 (in Russian).

Kemper M., Shikhaliev Sh.Sh. Dagestanskoe musul'manskoe reformatorstvo pervoi treti KhKh veka kak raznovidnost' dzhadidizma. Orzaev G.M.-R. (ed.). *Abusufian Akaev: Epokha, zhizn', deiatel'nost': sbornik statei, perevodov i materialov*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012. Pp. 52–58 (in Russian).

Kemper, Michael, Motika, Raoul, Reichmuth, Stefan, (eds). *Islamic Education in the Soviet Union and Its Successor States*. London and New York: Routledge, 2009. 384 p.

Kemper, Michael. *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789–1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin: Klaus Schwarz, 1998, 516 p. (in German).

Khalid Adeeb. *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia*. Berkeley – Los Angeles – Oxford: University of California Press, 1999. 400 p.

Lazzerini, Edward J. Jadidism at the Turn of the Twentieth Century: A View from Within. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. Vol. 16, No. 2 (Apr.–Jun., 1975). Pp. 245–277.

Meyer, James H. Immigration, Return, and the Politics of Citizenship: Russian Muslims in the Ottoman Empire, 1860–1914. *International Journal of Middle Eastern Studies*. Cambridge: Cambridge University Press, 39 (2007). Pp. 15–32.

Meyer, James H. The Economics of Muslim Cultural Reform: Money, Power and Muslim Communities in Late Imperial Russia. *Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts*. Ed. Uyama Tomohiko. London and New York: Routledge, 2012. Pp. 252–270.

Mukhametshin R.M. *Islam v obshchestvennoi i politicheskoi zhizni tatar i Tatarstana v XX veke*. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2005 (in Russian).

Navruzov A.R. *Dzharidat Dagistan' – araboiazychnaia gazeta kavkazskikh dzhadidov*. Moscow: Mardzhani, 2012 (in Russian).

Omarov Kh.A., Shikhsaidov A.R. *Katalog arabskikh rukopisei (Kolleksiia M.-S. Saidova)*. Makhachkala, 2005 (in Russian).

Orzaev G. M.-R. Khronologiia zhiznennogo i tvorcheskogo puti Abusufiana Akaeva, a takzhe posmertnykh meropriiatii i sobytii, sviazannykh s ego imenem. Orzaev G. M.-R. (ed.). *Abusufian Akaev: Epokha, zhizn', deiatel'nost': Sbornik statei, perevodov i materialov*. Makhachkala. 2012. Pp. 248–275 (in Russian).

Orzaev G.M.-R. (ed.). *Abusufian Akaev: Epokha, zhizn', deiatel'nost': Sbornik statei, perevodov i materialov*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2012 (in Russian).

Orzaev G.M.-R. (ed.). *Literaturnoe i nauchnoe nasledie Abusufiana Akaeva*. Makhachkala, 1992. Pp. 131–133 (in Russian).

Orzaev G.M.-R. (ed.). *Paikhamarny elu bulan*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992 (in Kumylian).

PMA. Polevoi material avtorov. Interv'iu s Ali Omarovym (1956 g.r.), synom muftiia DUMSK Khafiza-khadzhi Omarova (1975–1978). Makhachkala, Mai 2011 g. (in Russian).

Saidov M.-S. D. Dagestanskaia literatura XVIII–XIX vv. na arabskom iazyke. *Trudy XXV Mezhdunarodnogo kongressa vostokovedov*. T. II. Moscow: Vostochnaia literatura, 1963. Pp. 118–123 (in Russian).

Shikhaliev Sh.Sh. Al-Dzhavab as-sakhikh li-l-akh al-musallakh' 'Abd al-Khafiza Okhlinskogo. Alikberov A.K., Bobrovnikov V.O., sostaviteli i otv. redaktory. *Dagestan i musul'manskii Vostok. Sbornik statei*. Moscow: Mardzhani, 2010. Pp. 324–340 (in Russian).

Shikhaliev Sh.Sh. Musul'manskoe reformatorstvo v Dagestane (1900–1930). *Abusuf'ian Akaev: Epokha, zhizn', deiatel'nost'*: Sbornik statei, perevodov i materialov. Moscow: RANKhIGS, 2017. Vol. 3(35). Pp. 134–169 (in Russian).

Shikhsaidov A.R., Tagirova N.A. Gadzhieva D.Kh. *Arabskaia rukopisnaia kniga v Dagestane*. Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001 (in Russian).

Somel, Selçuk Akşin. *Das Grundschulwesen in den Provinzen des Osmanischen Reichens während der Herrschaftsperiode Abdülhamids II (1876–1908)*, PhD Diss. University of Bamberg, 1992. 124 c. (in German).

Usmanov M.A. (ed.). *Ismail Gasprinskii: istoriko-dokumental'nyi sbornik*. Kazan': Zhien nashriiati, 2006. 544 p. (in Russian).

Usmanova D.M. Musul'manskie deputaty v Gosudarstvennoi Dume (1906–1917 gg.): novaia politicheskaia elita v Rossiiskoi imperii? *Uchenye Zapiski Kazanskogo universiteta*. Seria: Gumanitarnye nauki. Kazan': Kazanskii (Privolzhskii) Federal'nyi universitet. 2013. T. 155. № 1–3. Pp. 113–124 (in Russian).

Usmanova, Dilyara M. Die tatarische Presse 1905–1918: Quellen, Entwicklungsetappen und quantitative Analyse. *Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the 20th Centuries*. Eds. M. Kemper, A. von Kügelgen, D. Yermakov. Berlin: Klaus Schwarz, 1996. Pp. 239–278.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

<p>Михаэль КЕМПЕР – доктор, профессор Амстердамского университета, Отделение европейских исследований, Амстердам, Нидерланды.</p> <p>Шамиль ШИХАЛИЕВ – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала, Россия.</p>	<p>Michael KEMPER – Dr.Sc., Professor, University of Amsterdam, European Studies, Amsterdam, Netherlands.</p> <p>Shamil SHIKHALIEV – PhD (History), leading researcher Institute of History, Archaeology and Ethnography, Daghestan Scientific Center of the RAS, Makhachkala, Russia.</p>
---	--